

Запах дезинфектора настойчиво проникал в нос, смешиваясь с каким-то слишком навязчивым ароматом, характерным для дорогих больничных палат, — он словно пытался замаскировать запах болезни, но делал это слишком грубо. Сознание Шэнь Цинъюэ, словно затонувший корабль, который подняли со дна, медленно и с трудом собиралось заново.

Первым, что он ощутил, была странная «пустота», идущая из глубины тела. Не слабость, скорее... величественный дворец, который полностью обставили, оставив лишь огромный и безмолвный купол. Следом нахлынули обрывки воспоминаний, бурные, как цунами, — сотрясающий небо и землю грохот битвы Бессмертных и Демонов, полная яда предсмертная проклятия Тёмного Бессмертного Императора, разрывающая душу боль от разрушения Золотой Платформы... Они бешено сталкивались с другим, совершенно отличным потоком воспоминаний, принадлежавших богатому молодому господину по имени «Шэнь Цинъюэ»: холодный и отстранённый профиль школьной красавицы Е Чжихань, его собственный глупый образ, когда он, как дурак, ждал её внизу общежития с чаем... и наконец, тот самый момент, когда он заслонил собой Е Чжихань от когтей свирепого Демона-волка, — холодное и обжигающее чувство разрыва в груди...

Огромная память Бессмертного Императора, словно гигантская волна, промывала его разум, грозя полностью сокрушить сознание.

— Ах... — сдавленный стон боли вырвался из его горла.

В этом хаосе в глубине сознания зажглась крошечная, но невероятно стойкая искра света. Это было его Море Сознания — бескрайняя, но покрытая трещинами пустота. В центре пустоты парило огромное создание, целиком состоящее из серо-белого камня: внизу — Золотая Платформа в форме перевёрнутой пирамиды, старинная и массивная, над ней — корявое, переплетённое ветвями дерево с кроной, словно облако, величественное и суровое. Это и было его сокровенное сокровище, Древнее древо Золотой Платформы!

Только сейчас это величайшее Магическое сокровище, некогда подавлявшее все миры и озарявшее сиянием бесчисленные вселенные, утратило весь свой блеск, покрылось мёртвой серо-белой пеленой, словно грубый горный камень. Лишь на самой вершине кроны едва заметная, как свеча на ветру, искра духовного света упрямо и медленно пульсировала. Каждое её мерцание было словно нежная рука, разглаживающая самые буйные складки его ментального шторма и приносящая ледяную ясность.

Сознание Шэнь Цинъюэ «смотрело» на это окаменевшее Древо, и нахлынуло чувство, смешанное из радости, боли и бесконечной умудрённости.

— Старый друг... — прошептал он в своём сознании хриплым голосом человека, пережившего катастрофу, — спасибо. Это ты вовремя пробудил моё сознание, верно? — Он попытался прикоснуться сознанием к окаменевшему стволу, передавая безмолвное утешение. — Хорошенько отдохни, восстанавливайся. Когда ты тоже проснёшься, мы снова отправимся странствовать по бесчисленным мирам и заодно посмотрим, откуда взялись эти Тёмные Бессмертные Императоры.

Та искра духовного света в глубине сознания, казалось, слабо мерцала в ответ.

Когда хаос немного утих, Шэнь Цинъюэ резко открыл глаза.

Ослепительно-белый свет лампы заставил его рефлекторно прищуриться. Белый потолок, дорогое медицинское оборудование, резкий запах дезинфектора в воздухе... Без сомнения, больница. И не просто больница, а палата повышенной комфортности в той самой элитной частной клинике, принадлежащей Корпорации Шэнь.

Он хотел было приподняться, опираясь на руки, но лёгкая тяжесть сбоку и ровное дыхание привлекли его внимание.

Он опустил взгляд.

Маленькая фигурка спала, прикинув к его больничной койке. Крепко. Волнистые, чёрные как смоль волосы водопадом ниспадали вниз, несколько непослушных прядей касались её бледных щёк. В её спящем лице была особая, девчачья безмятежность, длинные ресницы отбрасывали лёгкую тень на веки, под маленьким, чуть вздёрнутым носиком розовые губы слегка надулись. Даже во сне её утончённая, кукольная милота проявлялась в полной мере. Вот только... взгляд Шэнь Цинъюэ невольно скользнул по линиям тела, укрытого тонким одеялом. Хм, действительно, как и говорили в этом мире воспоминания, у неё с этим было... весьма скромно.

Шэнь Цинсюэ.

Глядя на это лицо, до боли похожее на лицо его сестры Шэнь Цинсюэ из прошлой жизни — нежной, ласковой, всегда смотревшей на него с обожанием, — Шэнь Цинъюэ испытывал смешанные чувства. В прошлой жизни они были настоящими кровными родственниками, сиротами, которые, цепляясь друг за друга, прошли через кровавые бури и встали на путь бессмертия. А та, что перед ним... была дочерью боевого товарища его отца, приёмной сестрой, и характер у неё был совершенно другой.

— Интересно, как там Цинсюэ из того мира... С ней, наверное, всё в порядке? — беззвучно вздохнул он, со сложным чувством глядя на это спящее лицо. Его пальцы, с оттенком ностальгии и растерянности, которых он и сам не осознавал, легко коснулись мягкой макушки девушки.

Прикосновение было тёплым.

В тот миг, когда его пальцы коснулись её волос, из глубины тела Шэнь Цинсюэ донёсся едва уловимый, но необычайно чистый энергетический всплеск, словно камешек, брошенный в тихий пруд. Эта энергия несла в себе неопишемое, почти звёздное чувство чистоты, совершенно непохожее ни на какую Бессмертную энергию или Демоническую ци, известную ему из прошлой жизни.

Сердце Шэнь Цинъюэ ёкнуло. Что это за сила?

В этот момент тело приникшей к койке девушки слегка вздрогнуло. Сначала она, как котёнок, которого гладят, бессознательно потёрлась о его ласковое прикосновение, издав довольное мурлыканье. Но в следующую секунду её тело внезапно напряглось!

Шэнь Цинсюэ резко подняла голову. Её большие глаза, ещё затуманенные сном, мгновенно распахнулись, в них застыли изумление, смущение и проблеск гнева от того, что её границы нарушили! Она, словно кошка, которой наступили на хвост, вскочила и отскочила на несколько шагов назад. Бледные щёки на глазах залились румянцем.

— Шэнь! Цинъюэ! — Одной рукой она прикрывала макушку, другой тыкала в него пальцем, голос от возмущения взлетел на несколько октав, приобретя резкую пронзительность. — Ты, извращенец! Что это ты сейчас делал?! Только очнулся — и сразу лапать людей! Ты что, больной браконенавистник?!

Она с отвращением яростно отряхивала волосы, которых только что коснулись, будто стряхивая невидимую грязь. Её личико сморщилось:

— Фу! Я чувствую, что место, которого ты коснулся, теперь нечистое! Вонь от подлипалы, что, заразна?

Шэнь Цинъюэ слегка ошалел от этого града «извращенец», «больной браконенавистник», «подлипала», а затем его разобрал смех. Достоинство Бессмертного Императора из прошлой жизни и остатки барского гонора из нынешней взыграли одновременно.

Он медленно убрал руку, откинулся на спинку дорогой больничной койки и ленивым, нарочито раздражающим тоном ответил:

— Ха. Да ладно тебе, Шэнь Цинсюэ. Раз уж ты так брезгуешь мной, «подлипалой» и «больным браконенавистником», тогда кто это только что припал к моей койке, как дохлая собака, и чуть не пускал слюни во сне? А? Что, боялась, что я умру и тебе никто карманных денег не даст?

— Ты...! — Щёки Шэнь Цинсюэ покраснели ещё сильнее, почти до крови, даже кончики ушей стали розовыми. Она в ярости топнула ногой, голос слегка дрожал. — Чепуху несёшь! Кто, кто на тебя смотрит?! Я просто... просто пришла проверить, не подох ли ты на самом деле! Если бы ты умер, я была бы единственной наследницей Корпорации Шэнь! Я беспокоюсь о своём будущем наследстве! Понимаешь, глупый братец?

— О? — Шэнь Цинъюэ приподнял бровь, нарочно растягивая слова. — И что, теперь, когда ты видишь, что я не умер, ты очень разочарована?

— Разочарована! Очень разочарована! — выпалила Шэнь Цинсюэ, вытянув шею, словно гордая

пава, пытаюсь скрыть своё замешательство свирепым взглядом. — Но тебе лучше объяснить мне всё как следует! Что случилось вчера? Дворецкий Дядя Чэнь получил таинственный звонок, говорил испуганным голосом, что с тобой беда! Когда тебя привезла скорая, на груди у тебя была дыра размером с таз от порванной одежды! А врачи раздели тебя, обыскали вдоль и поперёк — ни царапины! Просто потеря сознания? Ты что, в фэнтези-сериале снимаешься? Куда ты ходил?

Приехали!

У Шэнь Цинъюэ внутри всё похолодело. Как он мог объяснить всё это — Демона-волка, пробуждение, убийство? Даже если бы Шэнь Цинсюэ поверила, втягивать её в сверхъестественный уровень этого мира было бы только во вред.

Он потёр пульсирующие виски и мгновенно сменил выражение лица на крайне пренебрежительное, ленивое, свойственное «молодому господину Шэнь Цинъюэ»:

— Ой, чего шумишь по пустякам. Что могло случиться? Просто... ну... погода слишком жаркая, я, наверное... тепловой удар получил? Упал в обморок? А одежду, должно быть... о ветку поцарапал? Да, точно так. — Говорил он с самым честным видом, но взгляд его беспокойно бегал.

Шэнь Цинсюэ закатила свои красивые глаза — закатила так сильно, что они чуть не ушли в затылок.

— Шэнь Цинъюэ, ты считаешь меня трёхлетним ребёнком? Тепловой удар? Ветка проделала в одежде ровную круглую дыру размером с таз? Тебя врачи на самом современном оборудовании вдоль и поперёк просканировали раз восемьсот — и ничего не нашли! И ты называешь это тепловым ударом? — Она упёрла руки в бока, грудь от возмущения вздымалась, хотя амплитуда была крайне мала. — Ладно! Не хочешь говорить — и не надо! Мне и самой лень с тобой возиться!

Она с сердитым видом развернулась и направилась к выходу из палаты, но на полпути резко остановилась и, не оборачиваясь, глухо спросила:

— Эй! С тобой... правда всё в порядке?

— Лучше не бывает. Ем, сплю, и сил тебя злить хватит. — без настроения ответил Шэнь Цинъюэ.

— Хм! И ладно! — Шэнь Цинсюэ громко фыркнула, больше не задерживаясь, рванула дверь палаты и, как рассерженный котёнок, быстро вышла, со всей силы хлопнув дверью.

Шэнь Цинъюэ посмотрел на ещё вибрирующую створку и с облегчением вздохнул. У этой

девчонки действительно язык без костей, характер взрывной, но... кажется, она не такая уж и плохая?

Дверь палаты бесшумно открылась, и вошёл пожилой мужчина в безупречном чёрном костюме, с аккуратно зачёсанными волосами, с интеллигентным лицом, на котором лежал отпечаток прожитых лет и солидности. Это был старый дворецкий семьи Шэнь, Дядя Чэнь.

Увидев Шэнь Цинъюэ, который сидел на кровати и выглядел вполне бодрым, в глазах Дяди Чэня мгновенно вспыхнула искренняя радость и облегчение:

— Молодой господин! Вы очнулись! Замечательно! Просто замечательно! — Он быстро подошёл к кровати, в голосе чувствовалось едва заметное волнение. — Вы даже не представляете, как сильно барышня переволновалась за этот день, пока вы были без сознания! Она всё время сидела у вашей кровати, никто не мог её уговорить уйти. Врачи сколько ни проверяли — ничего не могли сказать определённого, барышня так разозлилась, что чуть не уволила на месте всех главных врачей, обозвала их шарлатанами, раз они не могут найти причину обморока...

Перед мысленным взором Шэнь Цинъюэ тут же предстала картина, как Шэнь Цинсюэ, уперев руки в бока, тычет пальцем в толпу белых халатов и скачет вокруг них, крича «шарлатаны». Он поморщился от этой мысли и поспешно потёр пальцами переносицу:

— Эта девчонка... слишком своеправничает. Дядя Чэнь, передайте врачам, пусть не волнуются. Моё состояние... действительно особенное, это нормально, что они не могут найти причину. Корпорация Шэнь не будет увольнять добросовестных врачей.

— Слушаюсь, молодой господин, я сейчас же пойду их успокою. — Дядя Чэнь почтительно кивнул, на лице появилась довольная улыбка. Молодой господин хоть иногда и совершает глупости (например, бегает за девчонкой), но в душе он всё же добрый. Он помолчал, и выражение его лица стало серьёзнее, с оттенком вины, он понизил голос:

— Молодой господин, есть ещё одно дело... которое нужно вам доложить.

— М? Какое? — Шэнь Цинъюэ, видя его серьёзность, тоже выпрямился.

— Эта... нефритовая подвеска, что вы всегда носили на теле... она пропала. — Голос Дяди Чэня был полон самоуничижения. — Вчера, когда вас привезли сотрудники скорой, подвески на вас уже не было. Мы несколько раз обыскали весь маршрут скорой и место происшествия, даже использовали поисковые приборы — ничего не нашли. Это моя оплошность, не уберёг вашу, молодой господин, драгоценную вещь. Прошу наказать меня! — Дядя Чэнь низко поклонился.

Услышав это, Шэнь Цинъюэ быстро прокрутил в голове обрывки воспоминаний из этой жизни. Ах да, вспомнил!

В детстве, в этой жизни, его однажды похитили при странных обстоятельствах. Неизвестно почему, возможно, из-за того, что заказчик слишком ненавидел его родителей и выместил эту ненависть на нём, маленьком, — его жестоко избили, чуть не до смерти.

Когда от него уже почти ничего не осталось, появилась старшая сестра и спасла его, маленького, прижав к себе. А та старшая сестра была лицом точь-в-точь как нынешняя Е Чжихань, но одета была в древнее платье, от неё пахло жасмином, а затем она призвала длинный меч и в мгновение ока расправилась с похитителями.

Но потом один из умерших похитителей превратился в монстра и вступил в бой с той старшей сестрой. В ходе битвы её нефритовая подвеска была срезана и упала к его ногам.

Вскоре монстр был ею убит. Тогда он, будучи маленьким ребёнком, был, конечно, очень благодарен этой спасшей его старшей сестре, но не успел спросить её имени, как она легонько коснулась его лба пальцем, и он уснул.

Когда он очнулся в следующий раз, раны его зажили, но он, казалось, забыл, кто его спас, помнил только лёгкий запах жасмина.

А когда его нашли, в руке он крепко сжимал эту вещь. Он из этой жизни действительно считал её каким-то важным талисманом и никогда с ней не расставался.

Когда он поступил в университет и встретил Е Чжихань, он не вспомнил ту историю из детства, но его тело инстинктивно тянулось к ней. Именно поэтому он три года добровольно был её «собакой-подлипалой».

До недавнего времени он, как обычно, пошёл дарить Е Чжихань цветы, но обнаружил, что она таинственно исчезла. Предчувствуя, что ей грозит опасность, он очень разволновался. Но в итоге, повинаясь интуиции, он случайно прорвался на улицу, запечатанную Массивом. Он увидел, как Демон-волк хочет убить Е Чжихань. Хотя ему тогда было очень страшно — ведь он с детства никогда не видел чудовищ, — чтобы защитить раненую Е Чжихань, он всё равно выступил вперёд.

В конце концов он заслонил собой Е Чжихань, и когти Демона-волка пронзили его тело насквозь. Жизнь его была на волоске, он вспомнил забытые в детстве воспоминания и вернул нефритовую подвеску Е Чжихань.

Но именно из-за того, что он был при смерти, Древнее древо Золотой Платформы в Море Сознания пробудило ту самую искру Истинного духа Бессмертного Императора. Хотя пробудилась только эта искра, он всё же уничтожил того Демона-волка.

Закончив разбираться с воспоминаниями до своего пробуждения, Шэнь Цинъюэ не смог удержаться и мысленно обругал себя дураком, который не знает своих сил. Что за собачья одержимость любовью? В такой ситуации ему было до смерти страшно, а он всё равно полез

вперёд, разве это не то же самое, что подставить голову под меч?

Если бы не тот факт, что именно за эти двадцать лет та искра Истинного духа Бессмертного Императора восстановилась ровно настолько, чтобы пробудиться, он бы в этой жизни, наверное, откинулся. А тогда снова перерождаться было бы той ещё морокой.

При мысли о том, что на нём висит ярлык «собаки-подлипалы», Шэнь Цинъюэ с трудом сдерживал смех. В прошлой жизни он был Бессмертным Императором, который правил одной из областей бессмертных, взирал на бесчисленные циклы перерождений с высоты своего величия. Он мог одним своим помыслом решать судьбы всех миров, одним ударом меча рассекать реку времени.

И что же? Как же «я» из этого параллельного мира умудрился стать настолько жалким образчиком? Три года! Целых три года! Был ходячим банкоматом и круглосуточной помойкой для эмоций, даже статуса запасного варианта не заслужил? А потом ещё изобразил героя-спасателя и угодил в реанимацию. Этот поступок просто вбил слово «подлипала» в мою ДНК! Если этот позор узнают те старые враги из мира бессмертных, куда я, Император, дену своё лицо?

Что в женщинах хорошего? Могут ли они увеличить культивацию?

Хотя, надо признать, методы культивации Секты Хэхуань действительно могут увеличить культивацию. Но Шэнь Цинъюэ относился к такой побочной ереси с полным пренебрежением, к тому же она противоречила созданному им Императорскому Методу.

Дворецкий Дядя Чэнь, видя, что выражение лица у молодого господина меняется, не удержался и заговорил:

— Прошу вас, молодой господин, накажите меня. Не губите своё здоровье гневом.

Услышав эти слова, Шэнь Цинъюэ сразу понял: Дядя Чэнь явно подумал, что он очень дорожит той подвеской. Похоже, он напугал старого дворецкого, который видел, как он рос.

На губах Шэнь Цинъюэ появилась едва заметная улыбка, выражающая понимание и спокойствие того, кто прозрел некую Причинно-следственную связь (Карму). Он небрежно махнул рукой, и тон его стал лёгким, словно речь шла о какой-то ерунде:

— А, та подвеска. Не нужно её искать, Дядя Чэнь.

— Она уже «вернулась к своему хозяину». — Спокойно произнёс он, словно констатировал давно предрешённый исход.

Дядя Чэнь резко поднял голову, в глазах застыли изумление и непонимание. «Вернулась к

хозяину»? Что этим хочет сказать молодой господин? Разве та подвеска не была его собственной вещью? Кто же тогда её «хозяин»?

Шэнь Цинъюэ не стал объяснять. Он откинул тонкое одеяло и ловко спустился с кровати. Тело, пролежавшее день без сознания, чувствовало себя необычайно лёгким и полным сил — это было самое глубинное изменение тела после пробуждения Истинного духа.

Он потянулся, лёгкий хруст суставов раздался в тишине. Обращаясь к всё ещё немного растерянному Дяде Чэню, он вернул себе ту само собой разумеющуюся, барскую чёткость, свойственную молодому господину из семьи Шэнь:

— Я сейчас чувствую себя прекрасно, совсем здоров. Поехали, Дядя Чэнь. Отвези меня домой.

<http://bllate.org/book/18890/1845839>